

УДК 811.161.1

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.89-104

**ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ КИТАИЗМОВ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ РЕАЛИИ,
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Сыци Ли

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

По мере расширения контактов между Китаем и Россией культурно-бытовые реалии Китая получают всё большую популярность в российском обществе, что обуславливает интерес исследователей к процессу освоения их номинаций русским языком. В работе рассмотрено более 50 подобных китаизмов, которые извлечены из лексикографических источников разного типа (25 ед.) и различных интернет-ресурсов (28 ед.). Описаны основные причины проникновения китаизмов в русский язык; установлены особенности их адаптации на разных уровнях языка: фонетико-графическом, грамматическом, семантическом. Особый акцент сделан на анализе реализации деривационного потенциала исследуемых единиц в русском языке, выявлены образованные от них дериваты (149 ед.), проанализирована словообразовательная структура этих слов, рассмотрены их семантические особенности. Сделан вывод о том, что расширение семантического объема заимствованных слов и большой объем словообразовательного гнезда с вершиной-заимствованием представляют собой важное доказательство глубины их вхождения в принимающий язык.

Ключевые слова: культурно-бытовые реалии, русский язык, китайский язык, китаизмы, адаптация заимствований, лексическая семантика, словообразовательный потенциал

Иноязычная лексика занимает немаловажное место в системе любого языка. В русском языке основными источниками заимствований служат преимущественно западноевропейские языки, однако укрепившиеся в последнее время дружественные отношения между Россией и Китаем ведут к всё большему проникновению китайских реалий в жизнь народов России, при этом в русский язык активно заимствуются из китайского соответствующие номинации.

Изучение слов иноязычного происхождения издавна привлекает внимание лингвистов. Исследованию лексики русского языка, заимствованной из других языков, посвящено множество разноаспектных научных изысканий: рассмотрены термины, используемые для обозначения элементов чужого языка в каком-либо языке (И.А. Бодуэн де Куртенэ 1963; Г. Шухардт 1917; Л.В. Щерба 1974), подвергались исследованию причины появления заимствований (Н.С. Валгина 2003; Л.П. Крысин 1968, 2002; Б.А. Серебрянников 1988), изучались особенности

адаптации иностранных слов в русском языке (Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина 1972; Е.В. Маринова 2012; И.В. Нечаева 2008); проанализированы иноязычные слова, пришедшие в русский язык в различные исторические периоды (В.Г. Демьянов 2001; Е.В. Сергеева 1996; Ю.С. Сорокин 1965); подвергалась анализу специфика функционирования заимствованных слов в разных сферах общения, в числе которых общественно-политическая, культурная, торгово-экономическая и др. (О.Э. Бондарец 2004; А.Г. Дедюхина 2011; Т.В. Чикова 2003). Известны также работы, посвященные этимологическому анализу иноязычных слов в русском языке, в том числе англицизмов, латинизмов, грецизмов, тюркизмов (В.М. Аристова 1978; Н.В. Габдреева 2014; Г.Х. Гилязетдинова 2010). Вместе с тем интересующая нас тема обладает несомненной актуальностью. Китай – одна из передовых стран с более чем пятитысячелетней историей, уникальной и разнообразной культурой, где сформировалась одна из четырех древних цивилизаций мира. В настоящее время культурно-бытовые реалии Китая получают всё большую популярность во многих странах. В связи с этим возрастает актуальность научного осмысления причин заимствования и специфики последующей адаптации подобных китаизмов в русском языке.

Объектом изучения являются лексемы китайского происхождения, тематически связанные с культурно-бытовой сферой. Предметом настоящего исследования стали особенности ассимиляции этих единиц в системе русского языка.

Цель нашего анализа – выявление языковых (формально-структурных, семантических и особенно деривационных) особенностей китаизмов, обозначающих реалии культуры и быта, в ракурсе проблемы их адаптации в современном русском языке. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) осуществить выборку китаизмов из словарей русского языка и разнообразных интернет-ресурсов; 2) выявить причины и пути их вхождения в русский язык; 3) проанализировать специфику их фонетико-графической, грамматической, семантической и словообразовательной адаптации к системе русского языка; 4) выявить дериваты изучаемых китаизмов, функционирующие в русском языке, охарактеризовать их словообразовательную структуру и семантику.

В нашей работе было проанализировано 25 заимствований, извлеченных из разнотипных словарей русского языка методом сплошной выборки, и 26 речевых китаизмов, обнаруженных в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) и различных интернет-ресурсах (Яндекс, Google и др.)¹. Руководствуясь данными «Тематического словаря русского языка» (ТСРЯ), китаизмы с исследуемой семантикой можно рассматривать в составе двух тематических групп: «Культура» и «Быт».

Слова тематической группы «Культура» подразделяются на несколько подгрупп:

- музыкальные инструменты (10 ед.): *баньгу*, *цинъ*, *шэн*, **гуцинъ*, **гучжэн*, **куайбань*, **пипа*, **сяо*, **хуцинъ*, **эрху*;
- предметы декоративно-прикладного искусства (4 ед.): *жемчуг*, *ципао*, *ценина*, **сань-чай*;
- жанры живописи (3 ед.): *гохуа*, *хуа-няо*, *шань-шуй*;

¹ В настоящей работе эти слова отмечены звездочкой.

- виды оперы (2 ед.): *куньцзюй, *пинцзюй;
- виды танца (1 ед.): янгэ;
- предметы духовной культуры (1 ед.): книга.

В тематическую группу «Быт» входят лексемы следующих подгрупп:

- кушанья (17 ед.): кетчуп, лагман, тофу, хого, *баоцзы/бао, *вонтоны, *димсам, *няньгао, *рамэ(е)н, *танъюань, *фунчоза, *хойсин, *цзунцзы, *цзяоцзы, *чифань, *юаньсяо, *юэбин;
- напитки (8 ед.): чай, пекко, пуэр, ханжа, ханишин, *байцзю, *лунцзин, *улун;
- жилища и части города (4 ед.): кан, лоу, фанза, хутун;
- посуда (1 ед.): вок.

Появление вышеуказанных слов в русском языке обусловлено, в первую очередь, популяризацией китайских культурно-бытовых реалий в современной русской действительности. В диахронической проекции можно назвать следующие причины этих взаимосвязанных процессов.

1. Наиболее весомым в числе исторических факторов можно считать торговлю, осуществлявшуюся по Великому шелковому пути. В древности и в Средние века китайские товары перевозились в страны Средней и Передней Азии по трансъевразийской торгово-транспортной дороге протяженностью около 7 тыс. км, которая действовала со времени правления династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.) до XVII в. В связи с тем, что эта дорога использовалась преимущественно для вывоза шелка из Китая, в XIX в. немецкий ученый Ф. Рихтгофен предложил обозначать ее интернациональным термином «Великий шелковый путь» (БРЭ). По этому пути из Китая через Средиземноморье перевозили в Европу и в Россию такие специфические китайские товары, как чай, фарфор, ценина и др., названия которых проникли в русский язык через турецкий, крымско-татарский и другие тюркские языки-посредники. Так, по данным этимологических словарей, слово *чай* заимствовано в русский язык через тур., крым.-тат., кирг., алт. *čaj*, уйг. *ча*, монг. *čaj* 'чай' из сев.-кит. *čhā* 'чай' (Ф4, с. 311), см. также (ИССРЯ2, с. 373; ЭССРЯ2, с. 513).

2. Географическая близость Китая и России. На севере и северо-востоке Китай граничит с дальневосточным и южно-сибирским регионами России. Российско-китайская граница, длина которой составляет более 4300 км, превратилась в настоящее время, по словам председателя КНР Си Цзиньпина, в «узлы дружбы двух народов»², что создает благоприятные условия для приграничной общественной коммуникации и, соответственно, для языковых контактов. Через региолекты пограничных с Китаем российских районов названия культурно-бытовых реалий Китая могут проникать в русский язык. Так, в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» зафиксированы слова *ханишин* ('китайская водка', амур.), *ханжа* ('вид самогона', ср.-приирт), *фанза* ('китайское жилище сельского типа', Дальний Восток) (ЭСРДС, с. 598, 608–609); слово *фанза* из этого ряда вошло в состав кодифицированного русского языка, см.

² Гусман М. Укреплять общность интересов – Председатель КНР Си Цзиньпин дал эксклюзивное интервью «Российской газете». – URL: <https://rg.ru/2017/07/02/si-czinpin-kitaj-i-rossiia-dolzny-ukrepiat-obshchnost-interesov.html>, свободный.

(БИСИС, с. 822; Сл. Ож., с. 848; СИС1911, с. 404; СИС1989, с. 531; ТСИС, с. 814; Сл. Уш., с. 1057).

3. Двусторонние миграционные процессы. История русской эмиграции в Китае началась в конце XIX в., когда деловые люди из России переселялись в Китай для устройства на работу (в частности, в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги) или для создания собственного бизнеса. После Октябрьской революции те русские, которые были недовольны установленным политическим строем, массово уезжали за границу, и одним из самых востребованных направлений эмиграции был Китай. Русские эмигранты и специалисты из России постепенно осваивали китайские реалии вкупе с обозначающими их словами. Это нашло отражение в записках чиновников, которые бывали в Китае по служебным делам, ср., напр., записки дипломата Д. Карпиля «Китай после “Культурной революции”»: *«Виной тому являются не столько жаркие и душные месяцы лета и даже холодные ветры зимы, выдувающие тучи пыли из пекинских “хутунов” – перулков»*³ (НКРЯ).

История китайской миграции в Россию насчитывает более 150 лет, начинаясь с конца 50-х годов XIX в. [1, с. 7]. Как отмечает А.Г. Ларин, на протяжении всей истории существования на российском пространстве представители китайской миграционной общины не только работали на заводах, фабриках и стройках, но и воевали на стороне России. Вследствие изменения политической ситуации на территории СССР в 30-е годы многие китайцы были репатриированы. С 1949 г. до конца 50-х годов между Советским Союзом и КНР установились тесные дружеские отношения: в Китай были направлены советские специалисты для оказания помощи в строительной промышленности, в образовательной, военной сферах. В советских вузах получили образование более 11 тыс. студентов и аспирантов, на Дальнем Востоке работали крупные партии китайских лесорубов и шахтеров [1, с. 142–143].

На рубеже 80–90-х годов XX в. благодаря обновлению двусторонних отношений процесс трудовой миграции из Китая, прерванный в 60-е годы на десятилетия, восстановился. Современная китайская миграционная община в России имеет разнообразный состав: это мелкие и средние коммерсанты, рабочие, а также студенты [1, с. 415–416]. В процессе общения с китайскими мигрантами россияне узнают больше о Китае. Некоторые явления материальной и духовной культуры и быта Китая становятся всё более популярными в российском обществе, что приводит к использованию в русской устной и письменной речи соответствующих лексем. Например, в сообщении об открытии китайского кафе в Новосибирске использованы такие названия китайских блюд, как *димсам*, *бао*: *«Основными блюдами заведения стали паровые пельмени (которые часто называют “димсами”) и паровые булочки бао»*⁴.

Как известно, при заимствовании иноязычные слова адаптируются к системе принимающего языка. Процесс ассимиляции происходит на разных языковых уровнях, «от первоначального воспроизведения слова в его исконной

³ Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка. – *Ли Сыци*.

⁴ *Соколов С.* В гостинице на Ленина открылась первая в Новосибирске китайская «димсамочная» // NGS.RU. – URL: <https://news.ngs.ru/more/65576971/>, свободный.

фонетической, графической и грамматической форме в качестве своеобразного вкрапления до употребления в речи как полноправной словарной единицы заимствующего языка» [2, с. 157]. Охарактеризуем особенности адаптации китаизмов, обозначающих культурно-бытовые реалии.

Графическая и фонетическая адаптация

Большинство иноязычных слов неизбежно подвергаются трансформации графического и фонетического облика, приобретая традиционное русское написание и звучание. Г.Х. Гилазетдинова квалифицирует этот процесс как «фонемное декодирование и замена звуков чужого языка близкими по акустико-артикуляционным характеристикам русскими звуками, представленными в письменных текстах графемами языка-реципиента» [3, с. 70].

С целью точного отражения на письме всех тонкостей произношения какого-либо слова используется специальный способ *транскрипции* (СЛТ, с. 418). Источники заимствования в русский язык китаизмов, подвергнутых транскрипции, могут быть разными. По словарным данным, большинство интересующих нас лексем заимствовано непосредственно из китайского языка: *баньгу*, *цинь*, *шэн*, *янгэ* (НСИСиВ, с. 155, 897, 922, 973). Другие слова попали в русский язык через языки-посредники, такие как английский (*кетчуп* (НСИС, с. 283)), японский (*тофу* (БТСРС)), древнетюркский (*жемчуг, книга* (Ф2, с. 46, 262–263)), турецкий (*ценина* (Ф4, с. 298)).

При переходе в русский язык китаизмы подвергаются акцентологической адаптации. По утверждению А.В. Суперанской, ударение заимствований в русском языке «строится и перестраивается в соответствии с определенными моделями», которые складываются при заимствовании структурно однородных слов, преимущественно слов из одного и того же языка или групп родственных языков [4, с. 26–27]. Необходимо отметить тот факт, что фонетический строй китайского языка сильно отличается от русского. Транскрибируясь, китаизмы произносятся с помощью звуков русской фонетической системы, их исконные тоны исчезают и получают русское словесное ударение, при этом в большинстве случаев в китайских заимствованиях ударение закрепляется на последнем слоге, ср.: *баньгу*, *ханишн* (ОАР).

Грамматическая адаптация

Общеизвестно, что характер грамматической ассимиляции иноязычного слова зависит прежде всего от степени типологической близости языка-источника и языка-реципиента. В связи с различием грамматического строя китайского и русского языков при заимствовании китаизмы претерпевают большие изменения, приобретая категорию рода, числа и другие грамматические характеристики, присущие русскому языку. Большое влияние на процесс грамматического освоения китайских заимствований оказывают финали этих слов, поскольку в русском языке родовая принадлежность слов, склоняемость и согласование с другими словами зависят от конечных элементов [4, с. 15]. Ср., напр.: *цинь* (-я; м. р.); *шэн* (-а; м. р.) (ОАР). Однако изменение по падежам в русском языке свойственно не всем заимствованным словам. Лексикографическую и текстовую фик-

сацию в качестве несклоняемых получило 21 слово китайского происхождения, ср.: *хуа-няо* (неизм. и нескл., м. р.); *шань-шуй* (неизм. и нескл., м. р.) (ОАР); ср. также: «...кстати, не только китайки, но даже европейки отдают предпочтение *ципао*, отправляясь, к примеру, на официальные мероприятия и приемы или даже вечеринки»⁵.

Китайское слово 粽子 *zòngzi* – ‘треугольный пирожок с клейким рисом, обернутый бамбуковыми листьями’ (БГРС, с. 791) – получило в русском языке орфографический облик *цзунцзы с финальным *ы*. Интересно отметить, что в русском языке характеристика его грамматического числа варьируется, ср. примеры использования этого слова как во множественном, так и в единственном числе соответственно: «Чаще всего *цзунцзы* треугольной формы, но *встречаются* и *квадратные*. *Цзунцзы* могут делиться на два вида по вкусу начинки»⁶; «Говорят, у тебя есть *наивкуснейший цзунцзы* с бобами. *Поделисься?*»⁷ Аналогичным образом было заимствовано слово *цзяоцзы (饺子 *jiǎozi* ‘пельмени’): «Я, например, взял тут *китайских пельменей цзяоцзы* (они ближе всего к нашим привычным, по форме похожи на вареники). Так вот в порции не было *ни одного цзяоцзы* без дырок в шкуре»⁸.

Частеречная принадлежность слова является довольно устойчивой морфологической характеристикой. По нашим наблюдениям, лишь одна из исследуемых лексем китайского языка изменила при заимствовании свою частеречную характеристику: имя существительное *чифань, восходящее к китайскому глаголу *chīfàn* ‘есть, кушать’ [5, с. 132].

Семантическая адаптация

В процессе включения иноязычных слов в лексическую систему принимающего языка происходит, как правило, их семантическая переработка. Большинство интересующих нас китаизмов является однозначными словами, многие из них входят в русский язык в своем исконном значении. Нами установлено, что всего лишь три китаизма (*книга*, *фанза*, *чифань) подвергались при заимствовании семантической модификации, то есть в процессе их семантической ассимиляции произошло преобразование исходного значения слова-прототипа.

Существуют разные мнения о происхождении слова *книга* в русском языке. По версии А.К. Шапошникова, слово *книга* восходит к праславянскому слову *кънига, которое соотносится с пришедшим через скифский, тюркский или болгарский языки заимствованием из ассирийского *kinukku* ‘печатать, оттиск надписи’ (ЭССРЯ1, с. 404). В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных изложена точка зрения о польском происхождении слова *книга*, ср.: «из польск. диал. *kien: kień* – ‘отрезок, отрубок, чурбан’, *kniŋja* – ‘засека, (общепольск.) лесная чаща, дебри’» (ИССРЯ1, с. 406). Однако автор

⁵ Беседа о Китайском традиционном платье *ципао* // Международное радио Китая. – URL: <http://russian.cri.cn/mail/interview/398/20180418/119536.html>, свободный.

⁶ *Смирнов К.* Как встретить лето по-китайски: инструкция по Празднику драконьих лодок Дуанью // ЭКД. – URL: <http://ekd.me/2019/06/kak-kitajskij-prazdnik-dragonix-lodok-stal-mezhdunarodnym-vidom-sporta/>, свободный.

⁷ *Чжень Юань.* Я хочу Цзунцзы с бобами // Война хаоса и порядка. – URL: <https://ru.oac-head.com/quests/1113/>, свободный.

⁸ *Соколов С.* Как в макашице: НГС нашел стихийный чайна-таун на Гагаринской – блюда там дешевле, чем в Азии // NGS.RU. – URL: <https://news.ngs.ru/more/66230842/>, свободный.

словаря не считает эту этимологию полностью обоснованной, отдавая предпочтение точке зрения И. Добровского о том, что слово *книга* восходит к южно-китайскому слову *Ши-кинг* (древнейший памятник китайской литературы), последняя точка зрения была поддержана и чешскими этимологами (ИССРЯ1, с. 406). Китайское происхождение лексемы *книга* подтверждается словарями М. Фасмера и Н.М. Шанского. По Фасмеру, праславянское слово **kъniga*, заимствованное через др.-тюрк. **kūinig*, волжско-болг., дунайско-болг. **kūiniv* (уйг. *kuin, kuinbitig*), восходит к китайскому слову *küen* – ‘свиток’ (Ф2, с. 263). Аналогичную позицию занимает Н.М. Шанский: «...наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой первоисточником общеслав. слова является китайск. *кюань* «(книжный, бумажный) свиток», которое, будучи заимствованным древними тюрками в форме *күйн* «книга», перешло к славянам от болгар в уменьш. форме *күйниг*» (ЭСРЯ, с. 171–172). Вслед за М. Фасмером и Н.М. Шанским мы рассматриваем слово *книга* как китаизм, при заимствовании которого исходное значение слова-этимона (‘свиток’) было преобразовано.

Вызывает интерес эволюция в русском языке значения слова *фанза*, которое восходит к китайскому слову *房子 fángzi* ‘жилой дом или квартира’. С учетом того факта, что в разные периоды китайские жилища различаются своим архитектурным обликом, при вхождении в русский язык значение слова *фанза* сужается, причем в словарях его смысловое содержание конкретизируется по-разному: ср.: 1) «у китайцев – хутор, отдельная усадьба; так же назыв. легкая постройка без окон вроде сарая или большого шалаша» (СИС1911, с. 404); 2) «китайский крестьянский дом» (Сл. Ож., с. 848; Сл. Уш., с. 1057); 3) «небольшой дом на каркасе из деревянных столбов в Китае» (БИСИС, с. 822; СИС1989, с. 531; ТСИС, с. 814).

В случае, когда частеречная принадлежность слова-прототипа изменяется, его исходное значение также преобразуется. Так, слово **чифань* часто встречается в дальневосточном региолекте в значении ‘китайская еда; блюда китайской кухни’ [5, с. 77].

В монографии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» утверждается, что в ходе семантической ассимиляции «момент усвоения сплетён с моментом развития» [6, с. 241], поэтому при анализе особенностей семантической адаптации иноязычных слов необходимо рассмотреть этап становления их семантических свойств при вхождении в русский язык, а также их семантическое развитие при функционировании в русском языке и русской речи. Большинство китаизмов функционирует в русском языке в том значении, которое закрепляется за ними в момент заимствования. Тем не менее в процессе дальнейшего существования таких лексем в русском языке их семантический объем может изменяться, что в первую очередь проявляется в расширении и переосмыслении их значений. Проследим этот процесс на китаизмах *чай, вок, чифань*.

Слово *чай* заимствовано из северокитайского языка в значении ‘чайный лист’. Благодаря широкой популярности чая у населения России, данное слово получило семантическое развитие, отраженное в его словарных толкованиях: ‘растение’; ‘листья такого растения’; ‘напиток, сделанный из таких листьев’; ‘настой из листьев или ягод’; ‘чаепитие’ (Сл. Уш., с. 1232). Развитие многозначности

слова *чай* на почве русского языка свидетельствует о высокой степени его семантической освоенности, причем данное слово употребляется также в русских фразеологизмах, ср.: *На чай (давать, брать)*, *На чашку чая (пригласить, звать и т. п.)*, *Чай да сахар*, *Чай да кофе* и др. (Сл. Уш., с. 1233).

Распространенное в настоящее время слово *вок* пришло в русский язык через кантонский диалект китайского языка в огласовке *wohk* в значении ‘китайская сковорода полукруглой формы’ (ОСКТ). В результате метонимического переноса данное слово получило новое значение – ‘еда, приготовленная на китайской сковороде *вок*’: «Вкусная коробочка *китайской лапши (WOK/ВОК) в Казани!*»⁹ По мере роста популярности китайской кухни в России слово *чифань* начинает использоваться не только в региолекте Дальнего Востока, но и в других регионах, приобретая новое значение – ‘китайское кафе, ресторан’. Это слово отмечено, например, в отзывах ресторана «Золотая Чашка» (г. Москва): «Уже на подходе понял, что попал в точку, – выглядит как классическая китайская *чифань* в естественной среде обитания!»¹⁰

Словообразовательная адаптация

По мнению Е.В. Мариновой, на рубеже XX – XXI вв. процессы адаптации заимствуемой лексики имеют динамический характер, что подтверждается активным участием нового иноязычного слова в деривационных процессах, в особенности в словопроизводстве [7, с. 399]. Реализация деривационного потенциала заимствований служит свидетельством высокой степени их освоенности в принимающем языке. Нами установлено, что практически половина исследуемых слов (24 из 51) выступают в качестве производящей базы: на их основе образовано 149 дериватов, в числе которых 80 имен существительных, 53 прилагательных, 11 глаголов и пять наречий. Рассмотрим основные способы и средства их образования.

1. При создании существительных (80 ед.) преимущественно используется **суффиксальный способ**, с помощью которого на базе китаизмов или их дериватов образовано 40 субстантивов со следующими суффиксами: **-ник**¹¹ (со значением предмета): *чайник*, *тофунник*, *тофучник*; **-нь(е)** (со значением носителя процессуального признака): *чаеванье*, *чаёвничанье*, *чайничанье*; **-ец** (со значением лица): *чернокнижец* («лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом»); *хутунец* («лицо, названное по принадлежности к местности, где оно проживает»); **-ница(а)** (со значением вместилища): *чайница*, *жемчужница*; **-ость** (с отвлеченным значением свойства): *книжность*; **-ник** (со значением лица, данный тип особенно продуктивен в разговорной речи): *чаёвник* (разг.), *книжник* (разг.), *ханишник* (разг.); *чернокнижник* (книжн. устар.); **-ств(о)/-еств(о)** (со значением занятия лица, названного мотивирующим словом): *чернокнижничество*, *чаеводство*; подобное значение имеет также суффикс **-и(е)**: *чернокнижие*; **-щик** (со значением лица): *чайханик*; **-ница(а)** (со

⁹ Доставка лапши-WOK в коробочках // Сайт ресторана «Фарфор». – URL: <https://kazan.farfor.ru/lapsha/>, свободный.

¹⁰ Отзыв о ресторане «Золотая Чашка» (г. Москва) // Трипадвизор. – URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g298484-d15009982-Reviews-Zolotaya_Chashka-Moscow_Central_Russia.html, свободный.

¹¹ Толкования значений словообразовательных средств приведены из «Русской грамматики» (РГ, с. 123–152).

значением женскости): *чаёвница*, *книжница*; **-инк(а)** (со значением «одна маленькая частица однородной массы»): *чаинка*; аналогичной семантикой обладает суффикс **-ин(а)**: *жемчужина*; **-к(а)** (со стилистическим модификационным значением, существительные с данным суффиксом чаще всего являются разговорными синонимами мотивирующих слов): *книжка*, *чифанька* ('китайский ресторан, кафе').

Нами выявлен также ряд дериватов с суффиксами, выражающими субъективно-оценочное значение, в их числе: **-к(а)/-очк(а)** (с уменьшительно-ласкательным или только уменьшительным значением): *книжечка*, *жемчужинка*; *кетчупочка*, *фанзочка*, *димсамка* (*димсам* – 'легкие блюда, закуски в гуандунской кухне, доминирующей в Южном Китае, а именно в провинции Гуандун, Гонконге и Макао'); **-ок/-чик** (с уменьшительно-ласкательным значением): *чаёк*, *чаёчек*, *чайничек*, *жемчужок*; **-иц(а)** (с уменьшительным значением): *книжица*; **-ишик-** (со значением пренебрежительности): *чаишко*; **-онк-** (с уничижительным значением): *книжонка*; **-ёшк(а)** (с уменьшительно-уничижительным значением): *фанзёшка*; **-иц-** (с увеличительным значением): *книжица*. Особо выделен дериват *фанзушка* с суффиксом **-ушик-**. Отсубстантивные производные с данным суффиксом могут выразить ласкательное значение (суффикс ударный), а в случае безударного суффикса имеют уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение [8, с. 1347]. Из-за отсутствия фиксации в словарных источниках нам неизвестно ударение в слове *фанзушка*, поэтому характер его оценочной коннотации можно прояснить только в контекстах.

При образовании производных существительных от китаизмов обнаруживает продуктивность также способ **сложения** (28 ед.).

Высокопродуктивной моделью является **сложение** с участием **интерфиксов -о/-е-** на базе двух компонентов, которые семантически связаны между собой **подчинительными отношениями**, опорным компонентом служит немотивированное или аффиксальное существительное, причем предшествующая основа наделена уточнительной, конкретизирующей функцией. С помощью этой модели было образовано 15 сложных существительных: *чаеобработка*, *чаеразвеска*, *чаеторговля*, *чаеуправление*, *книгодержатель*, *книгоиздатель*, *книгоиздательство*, *книгопечатание*, *книгопечатник*, *книгопечатня*, *книгопродавец*, *книготорговец*, *книготорговля*, *книгохранилище*, *книготорг*.

Путем **сложения с суффиксацией** были образованы субстантивы (6 ед.) со следующими суффиксами: **-ни(е)** (со значением действия или деятельности, названной глагольной основой и конкретизированной в первой основе): *чаепитие*; **-и(е)** (со значением явления или состояния, характеризующегося наличием того, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе), подобное значение имеет и суффикс **-ств(о)**: *чернокнижие*, *пятикнижие*, *чернокнижество*; **-иц(а)** (со значением лица, характеризующегося отношением к тому, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе): *чаепийца* – 'лицо, занятое чаепитием, любитель чаепития' (Сл. Уш., с. 1232); с участием связанного опорного компонента **-ведение** был образован субстантив со значением комплекса наук: *книговедение*.

На основе глаголов в качестве опорного компонента с помощью **сложения с нулевыми суффиксами** со значением «одушевленный предмет, характеризу-

ющийся действием, названным опорной основой и конкретизированным в первой основе сложения» образовано шесть дериватов: *книголюб*, *книгоноша*, *книгоед*, *книгочей*, *книговед*, *чаевод*. В русском языке частотны образованные по этой модели дериваты с опорным компонентом **-вед** со значением «лицо по профессиональному занятию, связанному с какой-нибудь отраслью знания»: *книговед*; с опорным компонентом **-вод** в названии лиц по профессиональному занятию, связанному с разведением чего-нибудь: *чаевод*.

Слово *микрочитка* образовано путем **сложения со связанным первым компонентом микро-** со значением значительно меньшей или минимальной величины.

Безморфемный (семантический) способ словопроизводства также актуален в процессе образования субстантивов от китаизмов (12 ед.).

Необходимо указать на продуктивность **сращения** двух слов одной части речи при образовании таких составных наименований, как *бао-бургер*, *тофукейк*, *димсам-облигация*. Интересно отметить, что в связи с популярностью димсама в таких районах, как Гонконг, Макао, провинция Тайвань, в русском языке данное слово использовано для номинации облигаций, которые выпустили российские коммерческие организации в этих районах. Ср.: «...так называемые **димсам-облигации** (находятся в обращении за пределами континентального Китая) размещали “Русский стандарт”, “Газпромбанк”, “Русгидро”»¹².

Путем **субстантивации** созданы существительные адъективного склонения, синонимичные словосочетаниям с мотивирующим прилагательным в качестве определяющего слова (6 ед.): *чаевые*, *чайные*, *чайная*, *димсамочная*, *лагманная*, *раменная*, ср.: «Пожар в бишкекской **лагманной** полностью потушили – сообщили корреспонденту *Sputnik Кыргызстан* в МЧС»¹³. В современном русском словообразовании данная модель постепенно становится отсубстантивной суффиксальной с четкой фиксацией родовой характеристики производного слова.

По лексикографическим данным, в словообразовательное гнездо с вершиной *чай* включается слово *чайхана*, в котором при соотношении с существительным *чай* выделяется компонент **-хан(а)** (ССРЯ, с. 360). Следует отметить, однако, что данное слово не является результатом русского словопроизводства – оно восходит к тюркскому слову *çaihana*, которое включает в себя компоненты *cha-yeh* (‘чай в листьях’ – из кит. яз.) и *hāne* (‘помещение’ – из перс. яз.) (СИСРЯ, с. 750).

2. При образовании адъективов на базе китаизмов (53 ед.) наиболее продуктивными являются отсубстантивные модели с суффиксальными формантами **-ск(ий)/-еск(ий)**, **-ческ(ий)** (со значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом») (18 ед.): *лунцзинский*, *пуэрский*, *улунский*, *чаеводческий*, *вонтонский*, *димсамский*, *кетчупский*, *лагманский*, *хогоский*, *хойсинский*, *юэбинский*, *рамэнский*, *книговедческий*, *книгоиздательский*, *книгоношеский*, *книгопродавческий*, *хутунский*, *гуцинский*. Аналогичное словообразовательное значение (далее СЗ) имеют прилагательные с суффиксами **-ов/-ев-**,

¹² Третьяк А. Минфин назвал новый срок первого выпуска гособлигаций в юнях // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/10/17/813990-minfin>, свободный.

¹³ Горело кафе в центре столицы // Sputnik. – URL: <https://ru.sputnik.kg/incidents/20180818/1040681181040681183/pozhar-bishkek-lagmannaya-likvidaciya.html>, свободный.

при этом мотивирующими словами преимущественно служат неодушевленные существительные с конкретным значением (11 ед.): *чаеоторговый, ханишиновый, вонтоновый, кетчуповый, лагмановый, фунчозовый, хойсиновый, книготорговый, фанзовый, книгосбытовой, чаевой*. Суффикс **-н-** также обладает аналогичной семантикой, с его участием было образовано 8 адъективов: *чайный, чаеразвесочный, ханишинный, книжный, чернокнижный, ценинный, жемчужный, лагманный*.

Важно отметить, что производные прилагательные с названными суффиксами способны к самым разнообразным конкретизациям общего значения отношения к предмету, эти различия возможно выявить только в контексте (РГ, с. 279). Наиболее распространенными конкретизациями общего относительного значения производных с этими суффиксами являются следующие частные СЗ: 1) «свойственный, принадлежащий тому, что названо мотивирующим словом»: *постройка фанзового типа, чернокнижный приворот*; 2) «состоящий, сделанный из того, что названо мотивирующим словом»: *вонтоновые зарисовки, жемчужное ожерелье*; 3) «предназначенный для того, что названо мотивирующим словом»: *чаеоторговый бизнес, книжная полка*; 4) «связанный с производством, изготовлением того, что названо мотивирующим словом»: *ханишиновый завод, чаеразвесочная фабрика* и др.

Нами отмечен только один адъектив смешанного склонения со суффиксом **-ин** (со значением «принадлежащий тому, что названо мотивирующим словом»): *книжкин*, ср.: «**Книжкина** неделя на ВВЦ: во Всероссийском выставочном центре открылась Пятая национальная выставка-ярмарка «Книги России»» (НКРЯ).

При образовании сложных прилагательных способ **сложения** представлен в нашем материале следующими разновидностями:

1) с двумя равноправными соединяемыми основами, которые семантически связаны между собой сочинительными отношениями (2 ед.): *книжно-журнальный, книжно-иллюстративный*;

2) с двумя основами при подчинительных отношениях, причем компоненты, предшествующие опорному, имеют уточнительный характер, конкретизируют содержание опорного компонента (6 ед.): *чаепроизводящий, жемчужно-белый, жемчужно-желтый, жемчужно-радужный, жемчужно-розовый, книготоргующий*.

С помощью способа сложения также образуются суффиксально-сложные прилагательные со следующими суффиксами (7 ед.): **-н-** (со значением «характеризующийся действием, которое названо опорной основой **глагола** и уточнено в предшествующей основе сложения»): *чаепрессовочный, чаеуборочный, чаеупаковочный, книгопечатный, жемчугоносный*; **-льн-** (со значением «предназначенный для совершения действия, названного опорной основой **глагола** и уточненного в первой основе»): *чаесушильный*; **-н-** (со значением «характеризующийся тем, что названо опорной основой **существительного** и конкретизировано в первой основе сложного слова»): *чаеформовочный*.

3. На базе китаизмов было образовано 11 глаголов с использованием двух аффиксальных способов: префиксального и суффиксального.

Префиксальным способом образовано 6 глаголов со следующими префиксами: **по-** (со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, чаще

недолгое»): *почаевать, почайничать, почайпить* (прост.), *почаёвничать*; **про-** (со значением «истратить что-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»): *прочайничать*; **от-** (со значением финитивности): *отчаёвничать*.

На базе существительных образовано 5 глаголов с участием таких суффиксов, как **-ева/-нича-** (со значением «совершать действия, обычно производимые во время того, что названо мотивирующим существительным»): *чаевать, чаёвничать, чайничать*; **-и-** (со значением «совершать действия, обычно производимые в (на) том, что названо мотивирующим существительным»): *чифанить*; **-нича-** (со значением «действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным»): *ханишничать*.

4. При образовании наречий (5 ед.) использованы конфиксальный и суффиксальный способы.

На базе адъективов с помощью конфикса **по-...-ому** образуются наречия с обстоятельственным значением признака, который назван мотивирующим словом: *по-книжному*; аналогичной семантикой обладает суффикс **-о**: *жемчужно, книжно*. Мотивирующим словами для этих трех дериватов послужили суффиксальные прилагательные со значением отношения к предмету (*книжный, жемчужный*).

Нами выявлены единичные случаи употребления двух производных наречий с конфиксом **по-...-и** в значении «таким-то способом или образом»: *по-хойсински, по-вокски*. Словообразовательное значение этих дериватов в контекстах – «признак по способу приготовления, связанному с производящим прилагательным», ср.: «Если попробовать азиатские рецепты, то могу порекомендовать глазированной брюссельскую капусту *по-хойсински*»¹⁴, в данном случае наречие *по-хойсински* обозначает ‘с добавлением хойсинского соуса’; «рисовые макароны *по вокски*» – то есть ‘приготовленные с помощью китайской сковородки вок’¹⁵.

Таким образом, на основе результатов проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Самую большую тематическую подгруппу среди исследуемых единиц составляют названия китайских блюд (17 ед.).

2. Проникновение в русский язык интересующих нас лексем обусловлено главным образом тремя причинами: караванная торговля по Великому шелковому пути, географическое соседство КНР и РФ и двусторонние миграционные процессы.

3. При переходе в русский язык китаизмы адаптируются к системе принимающего языка, приобретая русское написание и звучание, а также получая русские грамматические характеристики (род, число, падеж и др.).

4. Семантическая адаптация китаизмов осуществляется в первую очередь преобразованием исконного значения слова-прототипа, в дальнейшем при пол-

¹⁴ Продукты содержащие клетчатку. Список лидеров // Всё о Фитнесе и Здоровье. – URL: <https://www.ingoodfit.ru/produkty-soderzhashhie-kletchatku/>, свободный.

¹⁵ Рисовые макароны по ВОКски // Форумы SAY7. – URL: <https://forum.say7.info/topic39739.html>, свободный.

ной освоенности некоторых китаизмов русским языком их семантический объем может расширяться.

5. В результате сравнительного анализа количественного состава словообразовательных гнезд с вершиной-китаизмом, направленного на выявление деривационного потенциала каждого из исследуемых нами китайских заимствований в русском языке, установлено, что самой высокой словопорождающей способностью обладают такие лексемы, как *книга* (50 дериватов), *чай* (45 дериватов), *жемчуг* (11 дериватов). Слова этого ряда являются обозначениями реалий, которые давно и прочно закрепились в жизни русскоязычного общества, что определяет высокую степень их укорененности в русском языке.

6. На базе интересующих нас китаизмов активно осуществляется образование относительных прилагательных; в тех случаях, когда китаизм имеет всего лишь один или два деривата в русском языке, эти производные чаще всего являются относительными прилагательными. Подобные дериваты образуются от большинства названий китайских блюд или напитков: *фунчоза* – *фунчозовый*, *улун* – *улунский* и др.

7. Наблюдается активный процесс образования дериватов со значением помещения, мотивированных названиями блюд: *лагманная*, *димсамочная*, *рамэнная*. Можно предположить, что по мере возрастания популярности китайской кухни в России, количество дериватов, образованных по данной модели, будет увеличиваться.

8. Исследование словообразовательной адаптации китайских заимствований позволяет сделать вывод о том, что реализация деривационного потенциала китаизмов связана со степенью актуальности и/или важности обозначаемой реалии для носителей русского языка.

Источники

- БИСИС – Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М.: Рус. слов. [и др.], 2002. – 957 с.
- БРЭ – Великий шелковый путь // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1905010, свободный.
- БТРС – Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / Под рук. и ред. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1984. – Т. 4: Иероглифы № 107460 – № 15505. – 1061 с.
- БТСРС – Тофу // Большой толковый словарь русского языка. – URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&word=%D1%82%D0%BE%D1%84%D1%83>, свободный.
- ИССРЯ1 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1: А-Пантомима. – 621 с.
- ИССРЯ2 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 2: Панцирь - ящур. – 559 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>, свободный.
- НСИС – Захаренко Е.Н. Новый словарь иностранных слов / Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. – М.: Азбуковник, 2003. – 783 с.
- НСИСиВ – Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Совр. литератор, 2003. – 976 с.

- ОАР – Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». – URL: <http://orfo.ruslang.ru/>, свободный.
- ОСКТ – Вок // Объединенный словарь кулинарных терминов. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_culinary/477, свободный.
- РГ – Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 788 с.
- СИС1911 – Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / [Сост. по лучшим источникам М. Попов]. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 458 с.
- СИС1989 – Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.
- СИСРЯ – *Егорова Т.В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
- Сл. Ож. – *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. – М.: ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
- Сл. Уш. – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: АСТ, 2000. – Т. 4: С – Ящурный. – 1499 с.
- СЛТ – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
- ССРЯ – *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – Т. 2. – 941 с.
- ТСИС – *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 940 с.
- ТСРЯ – *Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В.* Тематический словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – М.: Рус. язык, 2000. – 556 с.
- Ф2 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2: (Е–Муж). – 671 с.
- Ф4 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4: (Т–Ящур). – 864 с.
- ЭСРДС – *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из урал., алт. и палеоазиат. яз. – М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 765 с.
- ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / Под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – Т. 2. Вып. 8: К. – 470 с.
- ЭССРЯ1 – *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.
- ЭССРЯ2 – *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 2. – 576 с.

Литература

1. *Ларин А.* Китайские мигранты в России: история и современность. – М.: Вост. кн., 2009. – 511 с.
2. *Маринова Е.В.* Иноязычная лексика современного русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 296 с.
3. *Глазетдинова Г.Х.* Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 203 с.
4. *Суперанская А.В.* Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 310 с.
5. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / Под ред. Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 153 с.

6. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 428 с.
7. Маринова Е.В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6. – С. 399–403.
8. Косова В.А., Маклеева Е.А. О функциональном анализе морфем, или сколько в русском языке суффиксов -ушк- // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С. 1338–1358.

Поступила в редакцию
28.05.19

Ли Сыци, соискатель кафедры русского языка как иностранного
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: sytsil@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 89–104

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.89-104

**Adaptation of Words Related
to the Chinese Daily Life and Culture to the Russian Language**

Siqi Li

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: sytsil@mail.ru

Received May 28, 2019

Abstract

The paper is concerned with the study of adaptation of words from the Chinese language to the Russian language; these loanwords are related to the daily life and culture of China. The relevance of the study is determined by the increasing popularity of the Chinese culture and daily phenomena within the Russian society. Therefore, the formation of a scientific image of relevant loanwords and the analysis of their derivational potential in the Russian language seem very necessary and important. This paper aims to identify the derivational, formal-structural, and semantic features of the studied units in the process of their development in the Russian language.

The transcription method is mainly used when borrowing words from the Chinese language; thus, the loanwords receive a Russian form and pronunciation along with grammatical characteristics. Based on the results of the semantic assimilation, the following conclusions were made: when loanwords came to the Russian language, the semantics of their prime words can be changed; the semantic volume of some words can be expanded with their further functions in the Russian language, which indicates their full semantic development. According to the results of the derivational-semantic analysis, 149 derivatives were formed on the basis of the studied units in the Russian language. It was revealed that *kniga* ('book'; 50 derivatives), *chai* ('tea'; 45 derivatives), *zhemchug* ('pearl'; 11 derivatives) possess the highest derivative ability. The study of word-formation adaptation allows us to conclude that the realization of the derivational potential of loanwords indicates their importance for the native speakers of the Russian language.

The paper presents a model for analysis of adaptation of loanwords from China. The obtained results may be of interest to researchers investigating words borrowed from other languages.

Keywords: realia of culture and daily life, Russian language, Chinese language, loanwords, adaptation of loanwords, lexical semantics, word-building potential

References

1. Larin A. *Kitaiskie migranty v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Chinese Migrants in Russia: History and Modern Times]. Moscow, Vost. Kn., 2009. 511 p. (In Russian)
2. Marinova E.V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Loanwords of the Modern Russian Language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012. 296 p. (In Russian)
3. Gilazetdinova G.Kh. *Orientalizmy v russkom yazyke Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vv.* [Orientalisms in the Russian Language of the Moscow State during the 15th–17th Centuries]. Kazan, Kazan. Univ., 2010. 203 p. (In Russian)
4. Superanskaya A.V. *Udarenie v zaimstvovannykh slovakh v sovremennoy russkom yazyke* [Stress in Loanwords of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka, 1968. 310 p. (In Russian)
5. *Yazykovaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii i prigranichnoi territorii (na materiale rossiiskogo Priamur'ya i provintsii Kheiluntszyan, Kitai)* [The State of Language in the Russian Far East and Border Areas (Based on the Material from the Russian Amur Region and Heilongjiang Province, China)]. Oglezneva E.A. (Ed.). Blagoveshchensk. Izd. AmGU, 2014. 153 p. (In Russian)
6. Birzhakova E.E., Voinova L.A., Kutina L.L. *Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on Historical Lexicology of the Russian Language of the 18th Century. Language Contacts and Borrowings]. Leningrad, Nauka, 1972. 428 p. (In Russian)
7. Marinova E.V. Loanword adaptation in the modern Russian language: New phenomena and trends. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2011, no. 6, pp. 399–403. (In Russian)
8. Kosova V.A., Makleeva E.A. On the functional analysis of morphemes or how many -ушк- (-ushk-) suffixes there are in the Russian language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 5, pp. 1338–1358. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Ли С. Особенности адаптации китаизмов, обозначающих культурно-бытовые реалии, в русском языке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 89–104. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.89-104. ⟩

⟨ **For citation:** Li S. Adaptation of words related to the Chinese daily life and culture to the Russian language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 89–104. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.89-104. (In Russian) ⟩